

21 век. Библиотека школьника

Ш. Бронте

Джейн
Эйр

Шарлотта Бронте
Джейн Эйр
(адаптированный пересказ)
Серия «21 век. Библиотека школьника»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43476835

Джейн Эйр: роман/ Шарлотта Бронте; адаптированный пересказ И.

О. Родина: Директ Медиа; Москва; 2015

ISBN 978-5-4458-8641-9

Аннотация

Серия мировой классики рассчитана на учащихся средних учебных заведений. Текст адаптирован под восприятие подростковой аудитории, особое внимание уделено динамичности повествования, скорости подачи информации, обучающим и воспитательным моментам.

В книгу вошел самый известный роман классика английской литературы Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	32
Глава VII	37
Глава VIII	41
Глава IX	47
Глава X	53
Глава XI	62
Глава XII	74
Глава XIII	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ш. Бронте Джейн Эйр

© Родин И. О., текст, 2015

© Родин И. О., дизайн и название серии, 2014

Глава I

В этот зимний день о послеобеденной прогулке нечего было и думать. Во-первых, было холодно, а во-вторых, ветер нагнал черные тучи и полил промозглый дождь.

Элиза, Джон и Джорджиана Рид, перед которыми, надо сказать, я всегда была физически беспомощной, в данный момент не ссорились и не ревели, сидели в гостиной перед камином возле своей мамы, дамы средних лет.

Мне же миссис Рид сказала, чтобы я села подальше от них. Она заявила, что вынуждена отделить меня от своих детей, пока Бесси, наша няня, не сообщит ей или она сама не убедится, что я стараюсь быть приветливой и ласковой девочкой, а пока она должна лишить меня всех радостей, которыми награждают скромных, послушных и воспитанных деток.

Я спряталась в небольшой столовой рядом с гостиной, где обычно завтракали. Там стоял книжный шкаф. Выбрав себе книжку с картинками, я взобралась на широкий подоконник, уселась поудобнее, задернула почти вплотную занавесы и оказалась отгороженной с двух сторон от всего мира.

И вот, сидя с книгой на коленях, я была по-своему счастлива и боялась только, чтобы мне не помешали. К сожалению, мое уединение вскоре прервали.

Дверь в маленькую столовую отворилась.

– Эй, ты, плакса! – крикнул Джон Рид. Затем он замолчал:

видимо, решил, что в комнате никого нет.

– Куда к чертям она подевалась? – продолжил он. – Лиззи! Джорджи! – позвал он сестер. – Джоаны здесь нет. Скажите мамочке, что она выбежала из дома под дождь... Какая дрянь!

Однако Элиза, только просунув голову в дверь, сразу же сказала:

– Она точно на подоконнике, Джон.

Я тут же соскочила с подоконника, потому что испугалась, что Джон сам меня оттуда стащит.

– Что тебе нужно? – спросила я.

– Скажи: «Что вам угодно, мистер Рид?» – поправил он. – Мне угодно, чтобы ты подошла ко мне, – сказал он, усевшись в кресло.

Джон Рид был на четыре года старше меня, ему исполнилось четырнадцать, мне – десять. Это был очень рослый для своих лет подросток с прыща вой кожей и желтым цветом лица как у его матери.

Джон не был привязан ни к матери, ни к сестрам, меня же он просто ненавидел. Он постоянно запугивал и мучил меня. Я дрожала как осиновый лист, когда он подходил: ведь за меня никто не заступался. Слуги не хотели сердить молодого господина, вставая на мою защиту, а миссис Рид делала вид, что ничего не замечает.

Привыкшая подчиняться Джону, я сразу же подошла к креслу. Несколько минут он развлекался тем, что показывал

мне язык. Я была уверена, что он меня сейчас ударит, и думала о том, какой он мерзкий. Наверное, Джон понял, о чём я думаю, потому что вдруг, не говоря ни слова, размахнулся и очень больно ударил меня. Я пошатнулась, но на ногах устояла, отступив шага на два от него.

– Вот тебе за то, что ты нагрубил маме, – сказал он, – и за то, что спряталась за шторы, и за то, что так на меня смотрела сейчас, ты, мышь серая!

Я привыкла к грубости Джона Рида, и мне в голову не приходило ему сопротивляться; я думала только о том, как бы устоять на ногах от второго удара, который обязательно должен был последовать за первым.

– Что ты делала за шторой? – спросил он.

– Я читала.

– Покажи книжку.

Я взяла с окна книгу и отдала ему.

– Не смей брать наши книги! Мама говорит, что ты живешь у нас из жалости; ты нищенка, твой отец тебе ничего не оставил; тебе надо милостыню просить, а не жить с нами, детьми Джейнтльмена, есть то, что мы едим, и носить одежду, за которую платит наша мама. Я сейчас покажу тебе, как рыться в книгах. Это мои книги! Я здесь хозяин! Или буду им скоро! Иди и встань у дверей, подальше от окон и зеркала.

Я послушно выполнила его приказание, не догадываясь о его намерениях. Когда же увидела, что он встал и замахнулся на меня книгой, я испуганно вскрикнула и отскочила в

сторону, однако, не так быстро: толстая книга задела меня на лету, я упала и, ударившись о косяк двери, ушибла голову. Из раны потекла кровь, я почувствовала острую боль, и тут страх внезапно пропал, дав волю другим чувствам.

– Гадкий, злой мальчишка! – крикнула я. – Ты похож на убийцу, на надсмотрщика над рабами, ты хуже римского императора!

– Что?! Что ты сказала?! – закричал он. – Кого ты так обзываешь?... Вы слышали, девочки? Я всё маме расскажу! Но сначала...

Джон кинулся ко мне и схватил меня за плечо и за волосы. Однако перед ним было доведенное до крайности существо. Для меня он действительно был деспотом. По моей шее текла кровь, мне было очень больно, но это уже было неважно, – передо мной был враг. Страх исчез. Я не совсем понимала, что делают мои руки, но Джон вдруг крикнул:

– Дрянь! Дрянь! – и завопил. Помощь быстро подоспела. Элиза и Джорджиана побежали за миссис Рид, которая ушла наверх; она вернулась вместе с Бесси и горничной Эббот. Нас разняли, и я услышала слова:

– Ай-ай! Вот паршивка, как она набросилась на мистера Джона!

– Какая злоба у девочки!

– Уведите ее в красную комнату и запирайте там, – грозно приказала мисс Рид.

Меня подхватили в четыре руки и потащили наверх.

Глава II

Я сопротивлялась изо всех сил, что еще больше разозлило Бесси и мисс Эббот. Я понимала, что мое поведение уже навлекло на меня кучу бед, и в отчаянии была готова на все.

– Держите ее за руки, мисс Эббот, она точно с цепи сорвалась...

– Какой стыд! Какой позор! – кричала гувернантка. – Разве можно так вести себя, мисс Эйр? Бить молодого барина, сына вашей благодетельницы! Ведь это же ваш молодой хозяин!

– Хозяин? Почему это он мой хозяин? Разве я служанка?

– Нет, вы хуже служанки, вы в доме ничего не делаете, вы приживалка! Вот посидите здесь и подумайте хорошенько над своим поведением.

Говоря это, они втащили меня в красную комнату и бросили на софу. Я тут же попыталась встать, но две пары рук пригвоздили меня к месту.

– С ней никогда еще такого не было, – сказала наконец Бесси, удивленно глядя на меня.

– Ну, в тихом омуте черти водятся. Сколько раз я говорила миссис Рид, что сомневаюсь в этом ребенке, и миссис всегда соглашалась со мной. Нет ничего хуже такой тихони! Я никогда не видела, чтобы ребенок в ее возрасте был настолько замкнутым.

Бесси не ответила; но немного погодя сказала мне:

– Вы должны понимать, мисс, что вы в долгу перед миссис Рид: она же кормит вас; если она вас выгонит, то вам прямая дорога в рабочий дом.

Я не знала, что ей ответить. Я всегда зависела от кого-то, меня постоянно попрекали куском хлеба. Это было трудно и порой невыносимо, но я не до конца осознавала своё положение. Мисс Эббот поспешно добавила:

– И не воображайте, что вы родственница мистеру Риду и его детям, если даже миссис Рид так добра, что держит вас в своем доме. Её дети будут богаты, а у вас никогда ничего не будет. Поэтому вы должны покориться и быть любезной с ними.

– Мы ведь говорим все это ради вашей же пользы, – добавила Бесси уже мягче. – Постарайтесь не быть дерзкой.

Они ушли, меня же заперли на ключ.

В красной комнате стоял страшный холод, потому что ее почти не топили: сюда редко кто заглядывал. Иногда в эту комнату заходила миссис Рид, чтобы проверить содержимое какого-то секретного ящика в шкафу, где хранился семейный архив, шкатулка с драгоценностями и портрет умершего мужа.

С тех пор, как умер мистер Рид, прошло девять лет; именно в этой комнате он умер; здесь он лежал мертвый; отсюда вынесли его гроб, – и с того дня комната стала нежилой. Вот в эту самую комнату меня и заперли.

Мне было страшно, но страх еще не победил меня окончательно. Кровь во мне еще кипела, и негодование поддерживало мою храбрость. Почему прощают все проступки эгоистичной Элизе, капризной Джорджиане и жестокосердному Джону? Наверное, потому что мои кухни красивые, а Джон, чтобы он ни сделал, всё равно остается для мисс Рид ее «дорогим сыночком». Мне же не прощают ничего. Я стараюсь во всем, а меня называют не послушной, упрямой вруньей, и так каждый день.

Я чувствовала себя такой несчастной! Я не понимала: за что меня так мучают? Теперь, когда прошло столько лет, у меня есть ответ на этот вопрос. Я совершенно не подходила к Гейтсхэдхоллу. Я была среди них как белая ворона, у меня не было ничего общего ни с миссис Рид, ни с ее детьми. Да, они не любили меня, но ведь и я не любила их. Почему же они должны были относиться тепло к ребенку, который не принимал их взглядов на жизнь, их порядков, который ни в чём не походил на них, который смел протестовать против унижений и плохого к себе отношения? Если бы я была веселой глупой куклой – пусть даже зависимой сиротой, – миссис Рид отнеслась бы ко мне гораздо добрее; ее дети дружили бы со мной; слуги тоже не делали бы из меня девочку для битья.

Я была уверена, что если бы мистер Рид – брат моей матери – был жив, он относился бы ко мне хорошо. Меня душили слезы. А вдруг призрак мистера Рида захочет прийти сюда и утешить меня?

И тут какой-то слабый свет появился на стене. Может быть, лунный луч или свет фонаря? Мое сердце нервно забилось. Меня охватил ужас. Я бросилась к двери и стала дергать ручку. Затем услышала поспешные шаги по коридору, ключ в замке повернулся, в комнату вошли Бесси и Эббот.

– Мисс Эйр, вам плохо? Вы больны? – спросила Бесси.

– Что за шум! Я ужасно испугалась! – воскликнула Эббот.

– Выпустите меня отсюда! Я хочу в детскую! – закричала я.

– Что тут происходит? – властно спросила мисс Рид, привлеченная криками. – Эббот, Бесси! Я, кажется, приказала оставить Джейн Эйр в красной комнате, пока сама не выпущу её!

– Мисс Джейн так громко кричала, сударыня, – виновато сказала Бесси.

– Оставьте ее, – был единственный ответ. – Отпусти руки, мерзкая девчонка! Криком ты ничего не добьешься, можешь быть уверена. Теперь ты останешься здесь еще на лишний час, да и то выпущу я тебя только при условии полного послушания с твоей стороны.

– О, тетя! Пожалейте меня! Простите! Я не выдержу этого... Накажите меня как-нибудь по-другому! Я умру, если...

– Замолчи! Ты просто отвратительна!

В её глазах я действительно была отвратительной. Она считала меня опытной артисткой, искренне веря, что я только и умею, что притворяться и лгать.

Бесси и Эббот ушли, а миссис Рид грубо втокнула меня обратно в красную комнату и молча заперла на ключ дверь моей тюрьмы.

Со мной, видимо, случился припадок, и я потеряла сознание.

Глава III

Помню одно: очнулась я, как после страшного сновидения. Я слышала голоса, которые едва доносились до меня; волнение и абсолютный страх заглушили все мои чувства.

Еще несколько минут – и я пришла в себя. Теперь я прекрасно понимала, где нахожусь: в детской, в своей собственной кровати. Была ночь, на столе горела свеча, Бесси стояла в ногах кровати, а надо мной склонился какой-то господин.

Мне сразу же стало легче. Я почувствовала себя в безопасности, потому что в комнате был посторонний человек, у которого не было причин меня ненавидеть. Я знала его, это был мистер Ллойд, аптекарь, которого миссис Рид вызывала, когда болели слуги. Для себя и своих детей она приглашала врача.

– Ну-ка, кто я? – спросил он.

Я ответила и протянула ему руку. Он взял ее, улыбнулся и сказал:

– Ну, теперь мы пойдем на поправку.

Затем он сказал Бесси, чтобы меня ночью ни кто не беспокоил. Дав ей еще несколько указаний, предупредил, что завтра опять зайдет, и ушел. Мне с ним было так спокойно, что, когда за ним закрылась дверь, я снова почувствовала себя незащищенной, да и комната словно потемнела.

– Может, вы теперь заснете, мисс? – ласково спросила

Бесси.

Я не знала, что ответить, боясь грубости с её стороны.

– Попытаюсь.

Бесси ушла в комнату для горничных, расположенную рядом с детской. И я услышала, как она сказала:

– Сара, ложись со мной в детской, а то я боюсь, что эта бедная девочка умрет. Странно, что с ней случился этот припадок... Интересно, что она чувствовала? Все-таки миссис Рид была на этот раз чересчур сурова.

Они еще с полчаса перешептывались, пока не уснули.

Я же так и не смогла заснуть до утра.

После этого случая моя нервная система расшаталась настолько, что следы пережитого потрясения сохранились до сих пор. Да, миссис Рид, вы приложили немало усилий, мучая меня! Но я вас прощаю!

На следующий день, ближе к полудню, я встала, оделась, укуталась в теплый платок и села возле камина, чувствуя страшную слабость. Я тихо плакала, мое сердце разрывалось от тоски, хотя, наверное, я должна была бы радоваться, – никого из Ридов дома не было, Эббот не показывалась, и только Бесси ходила туда-сюда, прибираясь в комнате, да изредка необычно ласково обращалась ко мне. Однако ни тишина, ни приятные слова Бесси, ни сладкий пирожок, к которому я так и не притронулась, не смогли успокоить меня.

В то утро опять зашел мистер Ллойд.

– Уже проснулась? – воскликнул лекарь, входя в дет-

скую. – Ну, Бесси, как девочка себя чувствует?

Бесси ответила, что превосходно.

– Тогда ей надо быть повеселее. Подойдите ко мне, мисс Джейн. Вас ведь зовут Джейн? Правильно?

– Да, сэр, Джейн Эйр.

– Я вижу, что вы плакали, мисс Джейн Эйр. Не скажете – почему? Вам нездоровится?

– Нет, сэр.

– Она, наверное, плакала потому, что не могла поехать кататься с миссис Рид, – ответила за меня Бесси.

– Ну да! Она слишком большая для таких глупостей.

Я была с ним согласна, и так как это незаслуженное обвинение задело мою гордость, живо ответила:

– Я за всю мою жизнь ни разу еще не плакала о таких пустяках. Я вообще не люблю кататься! А плачу потому, что чувствую себя несчастной.

Добрый аптекарь был, видимо, удивлен моим признанием. Он внимательно разглядывал меня своими ласковыми пронизательными серыми глазами, затем сказал:

– Что с тобой вчера случилось?

– Она упала, – снова за меня ответила Бесси.

– Упала! Ну вот, опять как маленькая! Разве такие большие девочки падают? Тебе, видимо, лет восемь или девять?

– Десять. Меня нарочно сбили с ног, – резко сказала я, снова поддавшись чувству обиды, – но мне не поэтому стало плохо.

Мистер Ллойд задумался и потянулся в карман пиджака за табаком. В это время зазвонил колокол, – слуг сзывали на обед, но аптекарь не знал о значении этого звона.

– Вас зовут, – сказал он Бесси, – можете идти вниз. А мне, пока вы вернетесь, надо поговорить с мисс Джейн.

Бесси пришлось уйти.

– Значит, твоя болезнь не связана с падением? Так что же случилось? – спросил мистер Ллойд, когда няня ушла.

– Меня заперли в комнате, где живет привидение, а там было уже темно.

Мистер Ллойд, улыбнувшись, нахмурился.

– Что? Привидение? Да, ты еще совсем ребенок! Ты боишься привидений?

– Да, я боюсь привидения мистера Рида. Он умер в той комнате и там лежал... Никто не заходит в ту комнату, и это было жестоко – закрыть меня на ночь в ней, в темноте! Я этого никогда не забуду.

– Ерунда! Может быть, ты и днем боишься?

– Нет, но ведь скоро опять наступит ночь. А потом есть другие причины, из-за которых мне так горько, так горько здесь.

– Какие же?

– Во-первых, я сирота, у меня даже нет братьев и сестер.

– Но у тебя есть хорошая тетя, кузен и кузины.

Последовало невольное молчание, затем я уже совсем по-детски выкрикнула:

– Да ведь это Джон Рид сбил меня с ног, а тетя приказала запереть меня в красной комнате!

Мистер Ллойд опять потянулся за табакеркой.

– Разве тебе плохо в Гейтсхэдхолле? – спросил он. – Разве ты не рада, что живешь в таком большом доме?

– Это не мой родной дом, сэр, а Эббот говорит, что я хуже прислуги в нем.

– Эх ты, глупышка! Неужели ты хочешь уехать из этого прекрасного дома? А у тебя нет других родственников, кроме миссис Рид? Со стороны отца, к примеру?

– Не знаю. Я как-то спросила тетю Рид, так она ответила, что у меня, возможно, кто-то и есть, но все они наверняка бедные люди. Тетя Рид говорит, что мои родственники могут быть только попрошайками.

– А ты не хочешь поступить в школу?

Я снова задумалась. Бесси рассказывала, что в школе, хоть там и строгие порядки, учат рисовать, вязать, играть на фортепиано, читать по-французски. Кроме того, школа – это дорога, это конец страданиям, это новая жизнь. Всё, решено.

– Я бы хотела поехать в школу.

– Ну-ну, кто знает, что нас ждет, – сказал аптекарь, вставая. – Девочку надо увезти отсюда, – добавил он, уже обращаясь к самому себе, – нервы у неё порядком расшатаны.

Вернулась Бесси, и в ту же минуту мы услышали шум подъезжающего экипажа.

– Ваша госпожа подъехала? – спросил мистер Ллойд Бес-

си. – Мне необходимо переговорить с ней.

Видимо, аптекарь всё-таки посоветовал мисс Рид отправить меня в школу, потому что в один из ближайших вечеров я случайно подслушала разговор Бесси и Эббот, говоривших об этом. Они решили, что я уже сплю и ничего не слышу.

– Миссис Рид, наверное, себя не помнит от радости, что появилась возможность избавиться от этой гнусной Джейн, – сказала Эббот. – И правда, у девчонки вечно такой вид, точно она замышляет что-то подлое.

– Её можно и пожалеть, – вздохнув, возразила Бесси. – Она ведь сирота...

Из их последующего разговора я впервые узнала, что мой отец был бедным пастором; что мать моя вышла за него против воли родителей, поэтому они лишили её наследства, и что всего через год после свадьбы мои родители умерли от тифа.

Глава IV

У меня появилась надежда, что жизнь моя скоро изменится, поэтому я пошла на поправку.

Однако дело со школой затянулось. Никто больше не заговаривал о моей отправке туда, а мое положение в доме между тем только ухудшилось. Миссис Рид совершенно отделила меня от своей семьи. Я жила теперь в маленькой комнатушке, туда же мне приносили еду. Со мной мало разговаривали, а миссис Рид смотрела на меня с отвращением.

Миновали ноябрь, декабрь, а также половина января.

Это случилось пятнадцатого января, около девяти часов утра. Из окна своей комнаты я увидела, как к дому подъехал экипаж. Меня это мало заинтересовало, потому что ко мне никто никогда не приезжал. Но на этот раз я ошиблась. Через некоторое время в комнату влетела Бесси, умыла мне лицо и руки и сказала, чтобы я немедленно спустилась в столовую, где меня уже ждут.

Миссис Рид сидела как обычно у камина. Она сделала мне знак подойти ближе, и представила меня какому-то незнакомцу:

– Вот девочка, о которой я вам говорила.

Мужчина медленно повернулся и вонзил в меня свои серые колючие глаза. После чего заговорил басом:

– Она небольшого роста, сколько же ей лет?

– Десять.

– Уже? – после небольшой паузы спросил он. – Как тебя зовут, девочка?

– Джейн Эйр, сэр.

Прошептав эти слова, я внимательнее посмотрела на незнакомца: черты лица у него были крупные, суровые и резкие.

– Ну, Джейн Эйр, ты хорошая девочка?

Я молчала, тогда вмешалась миссис Рид:

– Лучше об этом не спрашивайте, мистер Брокльхерст.

– Что ж, очень жаль. В таком случае нам с ней придется побеседовать. – Он сел в кресло напротив миссис Рид.

– Подойди сюда, – сказал он.

Я послушно подошла к нему, и мистер Брокльхерст поставил меня прямо перед собой. У меня появилась возможность разглядеть его еще лучше: огромный нос, жесткий рот, торчащие вперед зубы... Мне захотелось бежать, куда глаза глядят.

– Непослушание – это грех! Ты знаешь, куда пойдут грешники после смерти?

– Да, они пойдут в ад, – последовал мой давно заученный ответ.

– А ты разве хочешь попасть в ад?

– Нет, сэр.

– А что ты должна делать, чтобы избежать этого?

Я не сразу ответила.

– Постараюсь не заболеть и не умереть.

– Как можно стараться не умереть? Даже дети младше тебя умирают! Я полагаю, что у тебя злое сердце, и ты должна молить Бога, чтобы он изменил тебя.

Я собралась было спросить, каким образом Бог проделает это, но тут вмешалась тётя:

– Позвольте, мистер Брокльхерст, мне кажется, я вам писала, что эта девочка склонна к притворству и лжи. Я бы хотела попросить вас и наставниц Ловудской школы относиться к ней как можно строже для её же блага.

Не зря я ненавидела миссис Рид! Ей хотелось отравить моё существование и в новой жизни, настраивая против меня мистера Брокльхерста. И ей это удалось.

– Притворство – самая плохая черта характера ребенка, – согласился мистер Брокльхерст. – Можете не сомневаться, миссис Рид, за ней установят надлежащий надзор. Я поговорю на этот счёт с мисс Темпл и наставницами.

– Я бы хотела, чтобы её воспитывали в соответствии с её будущим положением в обществе, – продолжала моя благодетельница. – Её необходимо научить смирению. Что же касается каникул, то проводить она их будет, с вашего позволения, также в Ловуде.

– Конечно, сударыня! Я уверен, что она будет благодарна за то воспитание, которое получит у нас.

– Итак, я в ближайшее же время пришлю её к вам, мистер

Брокльхерст. Ответственность, которую я на себя возложила, заботясь о ней, оказалась для меня слишком обременительной.

– Конечно, конечно, сударыня! Дело в том, что меня пригласил к себе погостить на пару недель один из моих друзей, но я извещу мисс Темпл, чтобы она ожидала новую девочку, так что с приемом не будет никаких проблем. Тебе же, девочка, я оставляю книжку «Спутник ребенка». Обрати внимание на рассказ об ужасной и внезапной смерти Марты, плохой девочки, которая постоянно лгала.

Через несколько минут подали экипаж, и мистер Брокльхерст уехал. Миссис Рид и я остались одни. Несколько минут прошло в молчании: она шила, а я рассматривала её. Миссис Рид, думаю, было около тридцати шести лет. Это была полная, крепкого телосложения женщина с массивными чертами лица, глаза которой отнюдь не светились добротой. Она была педантичной и мелочной хозяйкой, от которой частенько доставалось арендаторам и слугам, и только своим детям она позволяла любые вольности.

Итак, сидя от неё в нескольких шагах, я держала в руках книжицу о внезапной смерти лгуньи Марии. Во мне всё кипело. В конце концов я не выдержала, – огульные обвинения во лжи в присутствии постороннего человека показались мне болезненно оскорбительными. Я не могла промолчать:

– Я не лгунья! – крикнула я миссис Рид. – Будь я лгуньей, я бы сказала, что люблю вас, но я говорю вам, что не только

не люблю, но даже ненавижу вас больше всех на свете, даже больше, чем вашего сына! А эту книгу о лгунье можете отдать своей дочке Джорджиане, это она врёт, а не я!

– Тебе больше нечего сказать? – холодно спросила тетя, как говорят со взрослыми, а не с детьми.

– Я рада, что вы мне не родная тетя! – продолжала я. – Больше никогда я не назову вас тетей. Если меня когда-нибудь спросят, как вы со мной обращались, я расскажу всю правду. Вы жестокая и злая женщина.

– Как ты смеешь это говорить, Джейн Эйр?

– Как я смею, миссис Рид? Как смею? Да ведь это правда. Вы думаете, у меня нет чувств, мне не нужна любовь?! До самой смерти я не забуду, как вы закрыли меня в красной комнате, несмотря на то, что я вас умоляла этого не делать. Все думают, что вы добрая женщина, но я расскажу в школе, какая вы на самом деле! Это вы лгунья! Вы злая!

Мисс Рид, не ожидавшая от меня такого напора, начала оправдываться.

– Ты не права, Джейн! Что с тобой? Тебе плохо? Хочешь воды?

– Нет, миссис Рид.

– Уверю тебя, я хочу быть твоим другом.

– Нет, это ложь.

– Ты вспыльчива, Джейн, согласишься! А теперь, будь моей хорошей девочкой, иди к себе в комнату и отдохни...

– Я не ваша хорошая девочка, я не хочу отдыхать. От-

правьте меня в школу как можно скорее, миссис Рид, я не хочу здесь больше оставаться.

– Да, надо тебя действительно поскорее отправить в школу, – сказала, миссис Рид и поспешно вышла из комнаты.

Враг отступил. Это была моя первая победа. Несколько минут я стояла, испытывая необычайный душевный подъем. Однако скоро он исчез. Мне опять стало грустно, я вновь почувствовала себя несчастной, – как тяжело ненавидеть и быть ненавидимой! Дети не должны воевать со взрослыми.

Глава V

В это раннее утро, девятнадцатого января, меня провожала только Бесси, которая собрала мне в дорогу кое-что из еды. Накануне вечером миссис Рид предупредила меня, чтобы я не будила утром для ненужных прощаний ни её, ни детей. К воротам усадьбы подъехал дилижанс, меня усадили, и настал долгожданный момент прощания с Гейтсхэдом и с семейством Ридов.

– Присмотрите за ней! – крикнула Бесси кондуктору, когда он усаживал меня в дилижанс.

– Хорошо, хорошо! – ответил тот, захлопывая дверь. Трогай! – и мы поехали вперед.

Дорога была неблизкой, но я мало что помню – настолько мучительно было для меня это путешествие. Наконец после пятидесяти миль непрерывной тряски дилижанс остановился, дверь открылась, и женский голос спросил:

– Есть здесь девочка по имени Джейн Эйр?

Я ответила «да», и меня высадили из дилижанса.

Было темно, шёл дождь, однако я различила какую-то стену и открытую в ней дверь. Мы зашли туда с моей спутницей. Затем показались несколько домов, в один из которых меня провели, после чего оставили в комнате, где ярко пылал камин.

Комната оказалась приемной. Пока я разглядывала помещение, вошли две женщины. Одна из них была стройной брюнеткой с высоким бледным лбом. Дама куталась в большой платок и держалась довольно строго.

– Вероятно, это было трудное путешествие для такой маленькой девочки, – сказала она. – Её надо скорее уложить в постель. Ты устала?

– Да, сударыня.

– Проголодалась? Дайте ей поужинать перед сном. Ты впервые оказалась вдали от своих родителей, деточка?

Я рассказала ей, что мои родители давно умерли. Она поинтересовалась, сколько мне лет, как меня зовут, умею ли я читать и писать. Затем, ласково потрепала меня по щеке и сказала, что надеется – я буду хорошей девочкой, и поручила меня мисс Миллер, второй даме, оказавшейся помощницей учительницы.

Мисс Миллер повела меня по длинным лабиринтам школы. В конце концов мы зашли в большую, освещенную свечами комнату. Здесь стояли два больших деревянных стола, за которыми сидели девочки разных возрастов, начиная с девяти-десяти и до двадцати лет. Их было около восьмидесяти, одинаково одетых в коричневые шерстяные платья старомодного покроя и длинные холщовые передники. Воспитанницы вслух заучивали уроки.

Мисс Миллер указала мое место и громко сказала:

– Старшие, соберите учебники, положите их на место и

принесите ужин.

Четыре девушки в точности выполнили указание преподавателя.

Дорога и волнение совершенно лишили меня аппетита, к еде я не прикоснулась, да и нарезанная ломтями запеканка из овсяной крупы не вызвала у меня желания подкрепиться.

После ужина мисс Миллер прочла молитву, затем девочки парами поднялись наверх. Наша спальня, как и все другие помещения школы, была очень большой. В каждой кровати спало по две девочки. Меня уложила к себе в кровать мисс Миллер. Ночь прошла незаметно. Когда я снова открыла глаза, до меня донесся громкий звон колокола. Начался подъем.

Девочки вставали и одевались. Все умылись в одном тазу, затем спустились в холодную, плохо освещенную комнату.

– Стать по классам! – приказала после молитвы мисс Миллер.

В течение нескольких минут девочки разбились на четыре группы и расселились за четырьмя столами. Меня включили в младшую группу. Перед каждой воспитанницей лежала Библия. Через некоторое время в класс вошли три учительницы, и занятия начались.

Когда окончательно рассвело, зазвенел колокол, созывающий на завтрак, однако запахи из-за дверей столовой долетали совсем неаппетитные.

– Какая гадость! Овсянка опять пригорела! – прошептала одна из старших девочек.

– Прекратить разговоры! – крикнула маленькая несимпатичная женщина, старшая преподавательница, занимая своё почетное место в столовой. Среди учителей не было той, которая встречала меня накануне. Служанка принесла чай для преподавателей, и все принялись завтракать. В отличие от меня, голодной, никто из девочек так толком и не поел, потому что горелая овсянка по вкусу напоминает разве что гнилой картофель. Я выходила последней и видела, как одна из учительниц взяла миску с овсянкой и попробовала. Затем переглянулась с остальными. На лицах у всех отразилось негодование, а полная дама прошептала:

– Разве это можно есть!

Недоразумение уладила директрисса школы, мисс Темпль. Эта была та самая дама, с которой я познакомилась в приемной накануне вечером. Она была молода и красива, очень внимательна и доброжелательна. Мисс Темпль под удивленные взгляды учителей приказала раздать воспитанницам сыр с хлебом.

После того, как все подкрепились, последовало приказание идти в сад. Каждая ученица надела шляпку из грубой соломки с цветными коленкоровыми завязками и серый фризоровый плащ. Совершенно несуразный вид! Меня нарядили точно так же, и мы вышли на воздух.

Сад был обнесен высокой оградой.

Я оглянулась вокруг, и мне стало грустно. Может, летом в этом саду и было неплохо, но в этот зимний день, когда под ногами еще хлюпала вода после вчерашнего ливня, особо резвиться не хотелось. Меня привлекала девочка, читающая книжку. Я подошла.

– Интересная книжка?

– Мне нравится, – ответила она после небольшой паузы, рассматривая меня.

– А почему школа называется приютом? – неожиданно спросила я девочку. – Разве она отличается от других школ?

– Это вроде пристанища для бедных сирот: и ты, и я, и все остальные девочки живут здесь из милости. Ты ведь тоже сирота?

– Да, сирота. А разве мы не платим денег? Разве нас держат даром? – За нас платят пятнадцать фунтов в год наши друзья или родственники.

– Почему же тогда – «из милости»?

– Потому что пятнадцать фунтов – это очень мало за обучение и содержание, остальную сумму собирают по подписке у разных добрых леди и Джейнтльменов.

– А кто это Наоми Брокльхерст? – спросила я, прочитав надпись на здании школы.

– Это дама, построившая новую часть дома. Ее сын здесь управляющий. Он казначей и директор.

– Значит, этот дом не принадлежит той высокой даме с часами, которая приказала дать нам хлеб и сыр?

– Мисс Темплъ? Если бы! Она отвечает за каждый свой шаг перед мистером Брокльхерстом. Это он покупает нам продукты и одежду.

– Он тоже живет здесь?

– Нет, в двух милях отсюда, в большом доме.

– Он добрый человек?

– Он духовное лицо, говорят, делает нам много добра.

– Значит, высокую даму зовут мисс Темплъ. А как зовут других учительниц?

– Ту, с румяными щеками, зовут мисс Смит, она учит нас рукоделью и кройке, потому что мы сами себе шьем платья, юбки и все остальное. Низенькая брюнетка – это мисс Скетчерд, преподает историю, грамматику и занимается со вторым классом, а та, что носит шаль и носовой платок сбоку на желтой ленте, – мадам Пьеро, она из Лилля, из Франции, и преподает французский язык.

В этот момент зазвонили к обеду, и все вернулись в здание. Обед по своим вкусовым качествам был не лучше завтрака. В двух огромных жестяных котлах подали безвкусный картофель с кусочками тухлого мяса. Каждая воспитанница получила довольно внушительную порцию.

Давясь предложенным месивом, я думала: неужели нас каждый день будут так кормить?

Глава VI

Так началась моя учеба.

На занятиях младших учили шить, девочки же постарше изучали английскую историю. Среди них была и моя новая знакомая. Удивительно, но учителя ее постоянно ругали.

– Бернс, неряха! Ты сегодня утром даже ногтей не вычистила! – отчитывала её мисс Скетчерд.

Бернс, к моему удивлению, не оправдывалась, а ведь сегодня не было возможности умыться, так как вода замерзла в тазу. Пока я раздумывала над этим, мисс Скетчерд приказала Бернс принести розги и ударила несколько раз ими девочку по шее. Бернс вынесла пытку без единого крика, чем еще больше разозлила учительницу:

– Упрямая девчонка! – воскликнула мисс Скетчерд. – Тебя, видимо, ничем не проймешь и не исправишь! Грязнуля! Убери отсюда розги!

Когда Бернс вернулась из чулана, я заметила, что она прячет носовой платок, а на ее худой щеке виднеется влажный след от стертой слезы.

Я была озадачена поведением Бернс, поэтому вечером, когда наступил самый приятный момент – час игр, я решила поговорить с ней. Подкрепившись чашкой кофе и ломтиком хлеба, я пробралась между парами девчонок к читающей

Бернс. Надо сказать, что она выделялась среди подруг явными успехами в учебе и незаурядными познаниями в литературе и истории. В игровой комнате было тепло, горел камин, у всех было приподнятое настроение.

– Это у тебя «Расселас»? – спросила я, остановившись возле нее.

– Да, – сказала она, – уже заканчиваю.

Через пять минут она захлопнула книгу. Я обрадовалась. Может, удастся её всё-таки разговорить.

– Как тебя зовут?

– Элен.

– Ты издалека сюда приехала?

– Я приехала с севера, это почти на границе Шотландии.

– Ты когда-нибудь вернешься обратно?

– Надеюсь, хотя, кто знает...

– Тебе, наверное, хочется уехать из Ловуда?

– Почему же? Меня прислали в Ловуд, чтобы здесь получить образование. Какой смысл уезжать, не добившись этой цели?

– Но ведь эта учительница, мисс Скетчерд, так придирается к тебе.

– Придирается? Да нет. Она просто строгая: она указывает мне на мои недостатки.

– А я бы на твоём месте её возненавидела, я бы ни за что не поддалась. Посмела бы она только тронуть меня! Я бы вырвала розги у неё из рук, я бы изломала их у неё перед

НОСОМ.

– Ничего бы ты не сделала, тебя бы тогда из школы исключили. А сколько неприятностей было бы у твоих родных?! Да и Библия нас учит терпению.

– Но ведь это унижительно, когда тебя бьют! Я младше тебя, но не вынесла бы такого позора. – И все-таки это твоя обязанность – терпеть. Только глупые и безвольные говорят, что не могут чего-то вынести, когда это их крест.

Я была поражена ходом её мыслей, недоступных моему разумению.

– Ты говоришь, Элен, что у тебя есть недостатки. Какие, например? Я думаю, что ты хорошая девочка.

– У тебя сложилось неверное впечатление обо мне. Мисс Скетчерд права, я неряшлива, не выполняю распорядка школы, читаю, когда нужно учить уроки. Все это очень раздражает мисс Скетчерд, которая по своей природе аккуратна, точна и требовательна.

– Ты забыла добавить – раздражительна и зла, – выпалила я. – А мисс Темпл такая же строгая, как и мисс Скетчерд?

При имени мисс Темпл на лице Элен появилась улыбка.

– Мисс Темпл очень добрая, ей трудно быть строгой даже с самой плохой девочкой из нашей школы. Она мягко указывает на недостатки и всегда хвалит, если есть за что. Но даже это не может исправить меня.

– Странно, – сказала я, – неужели это так трудно?

– Тебе будет легко. Я наблюдала за тобой сегодня утром

в классе и видела, как ты внимательно слушаешь преподавателя, а я не могу сосредоточиться, мои мысли постоянно где-то витают. – Зато как ты здорово сегодня отвечала на уроке!

– Это чистая случайность, в тот момент я думала о Карле Первом, о его трагической судьбе.

– А когда урок дает мисс Темплъ, твои мысли тоже где-то бродят?

– Конечно, нет. Её всегда интересно слушать.

– Значит, на уроках мисс Темплъ ты хорошо ведешь себя?

– Да, но это выходит само собой: я не делаю для этого никаких усилий, а только следую своим склонностям, и значит – это не моя заслуга.

– Нет, это большая заслуга. Ты относишься уважительно к тем, кто уважителен с тобой. По-моему, это правильно. И надо отвечать ударом на удар, тогда нас никто не будет обижать.

– Я надеюсь, ты изменишь свою точку зрения, когда подрастешь, а пока ты только маленькая, несмышленная девочка.

– Но я так чувствую, Элен.

– Нельзя победить насилие насилием.

– А чем же тогда?

– Почитай Новый завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает.

– Что же он говорит?

– Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, творите добро ненавидящим и презирающим вас.

– Значит, я должна была бы любить миссис Рид, а я не могу! Я должна была бы благословлять ее сына Джона, а это выше моих сил!

Тогда Элен Бернс попросила меня рассказать о себе, и я ей поведала о своей жизни в семействе Ридов. Элен слушала, не перебивая меня.

– Ну что, – спросила я, – разве миссис Рид хорошая женщина?

– Конечно, она была жестока к тебе, но тебе стало бы сейчас гораздо легче, если бы ты смогла забыть её жестокость, простила бы её.

Тут к нам подошла одна из старших, рослая грубоватая девушка, и буркнула с резким кемберлендским акцентом:

– Элен Бернс, если ты сейчас же не приведешь в порядок свои вещи в ящике, я расскажу всё мисс Скетчерд, и она тебе задаст!

Элен словно очнулась от сна, вздохнула и немедленно пошла выполнять приказание старшей подруги.

Глава VII

Первые три месяца в Ловуде показались мне вечностью. Было трудно привыкать к новым порядкам, да и постоянное чувство голода не прибавляло радости. Сколько раз старшие девушки отбирали у меня мою и так маленькую порцию еды! А пожаловаться было некому.

Наши прогулки ограничивались походом в церковь. Скучная пища, плохая одежда и обувь привели к тому, что у девочек совершенно ослабло здоровье. Одни только ласковые слова мисс Темпл поднимали у нас бодрость духа. Другие же учительницы, бедняжки, были обычно слишком угнетены, чтобы поддерживать нас.

Я еще ни разу не упомянула о посещениях мистера Брокльхерста, так как он гостил у своего друга викария. Мне было спокойно, пока он отсутствовал, но, однажды, после обеда (я находилась в Ловуде уже более трех недель), он появился в школе. Я не забыла ехидные намеки моей тети о порочности моего характера и обещании мистера Брокльхерста поставить мисс Темпл и других учительниц в известность об этом. И вот теперь он был здесь.

Он стоял возле мисс Темпл и что-то шептал ей на ухо. Я сидела недалеко от них и могла, прислушавшись, различать слова. Мистер Брокльхерст выговаривал директрисе за то, что та не очень экономна, что позволила некоторым вос-

питанницам дважды за неделю сменить кружевные манжеты, что завтракали они порой по два раза за день, что нитки для шитья расходуются свыше меры. Мисс Темпль отвечала спокойно и аргументировано, однако обещала, что впредь будет экономней. Затем управляющий обратил внимания, что у некоторых девочек слишком длинные косы и даже приказал обрить их головы наголо, говоря, что ученицам не следует потакать в их изменных желаниях. В этот момент в класс зашли три дамы: жена и две дочери нашего управляющего. Жаль, что они пропустили монолог мистера Брокльхерста об излишествах и скромности, так как сами они были расфуфырены в шелка, бархат и меха.

Слушая мистера Брокльхерста, я старалась быть незаметной для него, прикрываясь доской для задачек. Однако я настолько разволновалась, что доска выпала у меня из рук и с грохотом упала на пол. Меня, естественно, сразу же обнаружили. Управляющий тут же направился ко мне.

– Какая бестолковая девочка! – сказал мистер Брокльхерст и сейчас же добавил. – Кстати, это новая воспитанница. – Я не успела перевести дыхание, как он уже продолжил: – Я обязан сказать о ней несколько слов. Пусть она немедленно выйдет вперед.

Сама бы я не поднялась, так как окаменела от страха, мне помогли две взрослые девушки, поставившие меня на ноги. Мисс Темпль мягко подвела меня к управляющему и шепнула мне:

– Не бойся, Джейн, я видела, что ты не виновата. Все будет в порядке.

«Ах, какое сейчас её ждёт разочарование, если она поверит словам мистера Брокльхерста!»

– Принесите стул, – сказал мистер Брокльхерст, указывая на очень высокий стул, с которого только что встала одна из старших девушек. – Поставьте на него эту девочку...

Его приказание было исполнено в точности. Откашлявшись, мой мучитель продолжал:

– Сударыни, – сказал он, обращаясь к своему семейству, – мисс Темпл, наставницы и дети! Вы видите эту девочку? Смотрите на неё внимательно! Это непростой ребенок! Её благодетельница предупредила меня, и я должен поставить вас всех в известность, что эта девочка – лгунья! – Семейство Брокльхерстов издало возглас возмущения. – Да, к сожалению, это именно так. Я рекомендую нашим воспитанницам как можно меньше разговаривать с ней, избегать её, а преподавателям следить за каждым её шагом и словом! И пусть она еще полчаса постоит на стуле.

Мои чувства трудно описать, – меня приковали к позорному столбу! Как теперь ко мне будут относиться ученицы, преподаватели?! Слезы готовы были брызнуть из моих глаз. И тут мимо прошла девочка и взглянула на меня. Какой странный чудесный свет лился из её глаз! Сколько новых, высоких чувств пробудил во мне этот взгляд! Как подбодрил! Я тут же подавила в себе рыдания, подняла голову и ре-

шительно выпрямилась во весь рост. Это была Элен Бернс. В её улыбке было столько понимания и доброты! Теперь я осознала, кто такая Элен Бернс. Это не девочка с клеймом «неряхи», это ангельское создание, которое способно подбодрить, поддержать того, кто находился в худшем, чем она положении.

Глава VIII

Когда все ушли в столовую пить чай, я осмелилась сойти со стула. В комнате уже было достаточно темно. Забившись в угол, я упала на пол и разразилась глухими рыданиями. Скорбь моя была велика. Обвинения во лжи при всей школе вывели меня из состояния равновесия. Я так хотела заслужить внимание и любовь своих преподавателей и подруг, но, видимо, этому не суждено было сбыться. Меня уже начали хвалить, зачислили в первые ученицы, мисс Темпл обещала мне уроки французского языка, если я продолжу в том же духе, и тут такой удар! Мне хотелось умереть. И тут в комнату вошла Элен Бернс. Она принесла мне кофе и хлеба.

– Давай, поешь немного, – сказала она.

Я отказалась от еды, мне казалось, что я не проглочу ни кусочка. Элен удивленно смотрела на меня.

– Элен, Элен, как ты можешь сидеть с девочкой, которую все считают лгуньей?

– Во-первых, я не верю, Джейн! Кроме того, только восемьдесят человек это слышали, а в мире гораздо больше людей.

– Какое мне дело до других людей? Мне важно, что те, кого я знаю, теперь будут презирать меня.

– Поверь, никто тебя не презирает, тебя даже жалеют, только не могут выразить тебе сочувствуя.

– Как они могут жалеть меня после слов мистера Брокльхерста?

– Мистер Брокльхерст – не Бог, его никто не любит и не уважает. Если бы он к тебе хорошо относился, у тебя бы появились враги. Будь такой, как прежде, и к тебе не изменится отношение. Кроме того, Джейн...

– Ну что, Элен? – сказала я, взяв ее за руку.

– Даже если весь мир тебя будет ненавидеть, но ты будешь чиста перед самой собой, то все обвинения мира – пусты, и ты всегда найдешь друзей.

– Да, конечно, но если при этом меня не будут любить...

– Успокойся, Джейн! Тебя слишком волнует любовь окружающих. Кроме людей, есть еще царство ангелов, которые всё видят и понимают, и охраняют нас от бед. Зачем поддаваться отчаянию, если жизнь коротка, а смерть – верный путь к счастью и покою?

Элен замолчала и тут же закашлялась. Я забыла о своей горе, привлекла её к себе и мы сидели, обнявшись. Но это продолжалось недолго, так как в класс вошла мисс Темпль.

– Я ищу тебя, Джейн Эйр, – сказала она, – я хочу пригласить тебя к себе в комнату, а раз здесь Элен Бернс, то приглашаю и Элен.

Мы последовали за своей наставницей. В её комнате жарко пылал камин, было уютно и тепло. Мисс Темпль предложила Элен Бернс сесть в низенькое кресло у камина, а сама села в другое кресло и привлекла меня к себе.

– Ну что, успокоилась? – спросила она, взглядываясь в меня.

– Боюсь, что я никогда не успокоюсь.

– Почему?

– Потому что меня несправедливо обвинили, и вы, мисс Темплъ, и все другие будут теперь считать, что я очень плохая.

– Мы будем считать тебя такой, какой ты себя покажешь, дитя мое. Продолжай вести себя хорошо, и мы будем довольны тобой.

– Это правда, мисс Темплъ?

– Ну, конечно, – сказала она, обняв меня одной рукой. – А теперь расскажи мне, кто эта твоя благодетельницей, о которой говорил мистер Брокльхерст? Постарайся не преувеличивать ничего.

Мой рассказ был сдержанным, в нем не было тех эмоций, которые я обычно вкладывала, вспоминая о миссис Рид и его детях, поэтому он произвел более сильное впечатление на слушавших. Я упомянула с благодарностью имя мистера Ллойда, лечившего меня после припадка.

– Я немного знаю мистера Ллойда. Я напишу ему. Если он подтвердит то, что ты рассказала, с тебя при всех будет сняты все обвинения. Что касается меня, Джейн, в моих глазах ты оправдана уже сейчас.

Она поцеловала меня, и я вдруг почувствовала себя такой счастливой! Мне было так хорошо рядом с мисс Темплъ!

– А ты, как себя чувствуешь сегодня, Элен? Ты днем много кашляла?

– Не так много, сударыня.

– А боль в груди?

– Мне лучше.

Мисс Темплъ встала, взяла ее за руку, сосчитала пульс и тяжело вздохнула. Затем, опомнившись, заставила себя улыбнуться и сказала:

– Ну, сегодня вы мои гости, и я должна принимать вас, как гостей. – Она позвонила.

– Барбара, – сказала она вошедшей горничной, – я еще не пила чаю. Принесите поднос и поставьте две чашки для этих двух молодых особ.

На подносе красовались фарфоровые чашечки, ярко начищенный чайник, приятно благоухал горячий чай и поджаренный хлеб. Мы приступили к чаепитию. Однако для двух вечно голодных детей гренков оказалось очень мало. Мисс Темплъ тоже обратила на это внимание.

– Барбара, – сказала она, – не можете ли вы принести нам побольше хлеба с маслом? Здесь на троих не хватит. Барбара вышла, но вскоре вернулась.

– Сударыня, миссис Харден говорит, что она прислала обычную порцию.

Миссис Харден была экономкой в школе, этой женщине мистер Брокльхерст очень доверял.

– Ну, хорошо, – отозвалась мисс Темплъ, – мы постараем-

ся обойтись, Барбара. – И, когда девушка ушла, она пояснила, улыбаясь. – К счастью, я могу вас угостить еще кое-чем.

К столу мисс Темпл предложила большой сладкий пирог. И чаепитие превратилось в настоящее пиршество. Затем, убрав чашки в сторону и устроившись поудобнее, мисс Темпл и Элен начали разговор, присутствовать при котором было для меня действительно большой честью. Они говорили о прочитанных книгах, о литературе, истории. Мне было очень интересно. Однако беседу прервал колокол, возвещавший о том, что пора идти спать. Благословив нас, Мисс Темпл обняла каждую и проводила до дверей. С большой неохотой она оторвалась от Элен, провожая её тревожным взглядом.

Неделю спустя пришел ответ от мистера Ллойда, в котором он подтвердил мою невиновность. Собрав всю школу, мисс Темпл объявила, что провела тщательное расследование, в результате чего выяснилось, что Джейн Эйр оговорила, и она счастлива, что может заявить перед всеми о моем полном оправдании. Наставницы окружили меня. Они жали мне руки и целовали, а среди учениц пробежал шепот удовлетворения.

Итак, я была оправдана. Теперь я могла спокойно погрузиться в учебу, доказать всем, что у меня есть способности. Я упорно трудилась, и мои усилия увенчались успехом. Уже через две-три недели я была переведена в следующий класс,

а меньше чем через два месяца мне было разрешено начать уроки французского языка и рисования. Я была счастлива.

Прав был Соломон, когда сказал: «Угощение из зелени, поданное с любовью, лучше, нежели откормленный бык, заправленный ненавистью».

Теперь я уже не променяла бы Ловуд со всеми его лишениями ни на какое богатство мира.

Глава IX

Приближалась весна, и трудности жизни в школе уже не так остро ощущались. Зимние морозы ослабели, снег практически растаял, ветра потеплели. Мои бедные ноги, обмороженные и распухшие в холода, начали заживать под действием ласкового апрельского солнца. Однако лесная долина, в окружении которой расположился Ловуд, рождала ядовитые туманы, а те в свою очередь становились причиной многих заболеваний. Вот и сейчас началась эпидемия тифа, унесшая немало жизней из нашей школы, тем более что болезнь легко косила истощенных неполноценным питанием воспитанниц. В конце концов, Ловуд практически превратился в больницу. В этих условиях уроки были прерваны, правила распорядка соблюдались менее строго, и те немногие, что еще не заболели, пользовались неограниченной свободой.

Для того, чтобы болезнь не распространялась, здоровых отправляли к родным или друзьям, однако, многие уже были заражены и умирали дома. Тех, кто умирал в школе, хоронили быстро, так как оставалась опасность распространения эпидемии. Многие из работников школы поспешили покинуть Ловуд. В их числе была и экономка Ловуда. На её место заступила кухарка, которая кормила нас досыта и довольно вкусно. Надо сказать, что её никто не контролировал в этом

смысле, так как ни мистер Брокльхерст, ни его семейство не решались даже приблизиться к Ловуду.

Теперь распорядок дня состоял из прогулок и приемов пищи. Я больше всего любила бродить вдоль ручья вместе с моей новой подругой Мери-Энн Вильсон. Это была умная, наблюдательная и веселая девочка. В её обществе мне было просто и легко, потому что она никогда не указывала мне на мои недостатки. В общем, мы с ней прекрасно ладили.

Не подумайте, что я забыла об Элен Бернс. В моей душе продолжало жить чувство привязанности к ней, такое сильное и нежное, какое я потом редко испытывала. Однако она была больна и несколько недель уже не показывалась. Ее не положили в лазарет вместе с тифозными больными, потому что у нее был туберкулез, а не тиф. У меня не было ни малейшего представления о том, насколько опасна эта болезнь.

Однажды в начале июля, под вечер, у ворот дома мы увидели лошадь, принадлежащую врачу. Видимо, кому-то стало очень плохо, если за мистером Бейтсом послали так поздно. Прошло немного времени, и врач вышел в сопровождении одной из нянек. Я тут же подбежала к ней с расспросами:

- Как себя чувствует Элен Бернс?
- Очень плохо, – ответила она.
- Это к ней приезжал мистер Бейтс?
- Да.
- А что он говорит?

– Он говорит, что ей недолго осталось.

– А где она сейчас? – я сразу же всё поняла.

– Она в комнате у мисс Темплъ, – сказала няня.

– А можно мне пойти поговорить с ней?

– О нет, дорогая. К ней нельзя. Да и тебе пора идти спать, иначе тоже заболеешь. Уже поздно.

Разве могла я удовлетвориться подобным ответом? Поэтому, когда все уснули, я тихонько встала, оделась и стала пробираться в ту часть здания, где стоял резкий запах камфары и древесного уксуса. Больше всего на свете я боялась, что кто-нибудь заставит меня вернуться. Я должна была увидеть Элен! Я должна была проститься с ней перед смертью, поцеловать, сказать пару слов!

Я спустилась по лестнице и оказалась прямо перед комнатой мисс Темплъ. Сквозь щель в двери пробивался лучик света. Набравшись мужества, я решительно открыла дверь, боясь только одного – опоздать.

Рядом с кроватью мисс Темплъ стояла кровать поменьше, в которой лежала Элен. Мисс Темплъ в комнате не было. Я осторожно подошла к кровати и остановилась возле нее, коснувшись полога, но я решила сначала заговорить, а потом уже отдернуть его. Я боялась увидеть мертвое тело.

– Элен, – прошептала я, – ты спишь?

Она приподнялась, откинула полог, и я увидела ее лицо – бледное, но совершенно спокойное. И у меня появилась надежда.

– Это ты, Джейн? – спросила она своим обычным тихим голосом.

«Нет, – подумала я, – она не умирает, она меня узнала!»

Я села на кровать и поцеловала ее. Лоб у нее был холодный, она заметно похудела, но улыбалась, как прежде.

– Как ты здесь оказалась, Джейн? Ведь уже двенадцатый час, я слышала, как пробило одиннадцать.

– Я пришла проведать тебя, Элен: я узнала, что ты очень больна, и не могла уснуть, не повидав тебя.

– Значит, ты пришла проститься?

– Ты разве уезжаешь домой?

– Да, я собираюсь в дальнюю дорогу, в мой последний приют.

– Нет, Элен, нет! – возразила я в отчаянии, еле сдерживая слезы.

У Элен начался приступ кашля, когда приступ кончился, она, пролежав несколько минут обессиленная, шепнула:

– Джейн, у тебя ноги замерзли. Ложись ко мне под одеяло.

Я так и сделала. Она обняла меня, и я прижалась к ней.

После долгого молчания она сказала:

– Мне хорошо, Джейн. Когда тебе скажут, что я умерла, не плачь обо мне. Все мы когда-нибудь умрем, а моя болезнь не такая уж мучительная, она безболезненно сводит меня в могилу. Моя душа спокойна. Кроме отца, у меня никого нет, да и он недавно женился, так что грустить обо мне долго не будет.

– Ты спокойна, потому что знаешь, куда идешь?

– Да, я верю и надеюсь, что к Богу.

– А где Бог? Кто такой Бог?

– Мой творец и твой, он никогда не разрушит того, что создал сам. Он добр и всемогущ. Я с нетерпением жду встречи с ним.

– А я увижусь с тобой, Элен, когда умру?

– Не сомневайся в этом, дорогая Джейн.

Я уткнулась лицом в плечо моей подруги. Казалось, она была дороже всех и всего на свете для меня в ту минуту. Не было никаких сил расстаться с ней. Вдруг она сказала с невыразимой нежностью:

– Как мне хорошо! Этот последний приступ кашля извел меня, и, наверное, я смогу заснуть. Только ты не уходи, Джейн, побудь со мной.

– Я останусь с тобой, моя милая Элен.

– Ты согрелась, малышка?

– Да.

– Спокойной ночи, Джейн!

– Спокойной ночи, Элен!

Мы поцеловались и скоро обе уснули.

Когда я проснулась, был уже день. Меня разбудило ощущение, что я куда-то лечу, – это няня несла меня на руках в нашу спальню. Никто не ругал меня за ночной поход, но и на мои вопросы об Элен никто не отвечал.

Только через два дня я узнала, что на рассвете вернулась

мисс Темпль и обнаружила меня в кровати Элен, которая к этому моменту уже была мертва.

Могила Элен Бернс – на брокльбриджском кладбище. Целых пятнадцать лет её могила походила на зеленый холмик, однако, теперь там лежит серая мраморная плита, на которой можно прочесть ее имя и слово «Resurgam», что в переводе с латинского означает «Воскресну».

Глава X

До сих пор я рассказывала читателям подробно о значимых событиях своего детства. Дальнейшее мое восьмилетнее пребывание в стенах ловлудской школы можно описать в нескольких словах.

После того, как эпидемия отступила, была создана комиссия по расследованию причин, приведших к столь печальным последствиям. Естественно, выяснилось, что детей отвратительно кормили, для питья использовали гнилую воду, одежда воспитанниц была убога, да и сверхстрогие распорядки не могли способствовать здоровью учениц. Все эти нарушения не могли не сказаться на авторитете мистера Брокльхерста в среде местного общества. Нашлись богатые и доброжелательные лица, которые пожертвовали крупные суммы на благоустройство школы и её обитателей. Невозможно было совсем устранить от дел мистера Брокльхерста, его оставили казначеем, но уже самостоятельно он не мог решать судьбы школы.

Начались коренные преобразования. Во-первых, построили новые здания приюта, но уже в другой, здоровой местности, во-вторых, были установлены новые правила, по которым воспитанницы получали достойное содержание: питание значительно улучшилось, одежда выдавалась добротная.

Вскоре школа, в которой были введены все эти новшества,

стала действительно полезным и уважаемым учреждением. После ее преобразования я про была в ней еще восемь лет: шесть – как ученица и два – как учительница. Я получила прекрасное образование, совершенствоваться мне помогала мисс Темпль, которая продолжала оставаться на посту директрисы все эти годы. Именно она сделала все возможное, чтобы я, как и другие воспитанницы школы, чувствовали себя в Ловуде почти как дома. Она заменила мне сначала мать, потом стала моей подругой. Однако настал момент, когда мисс Темпель покинула школу, – вышла замуж за достойного человека.

Мне суждено было увидеть, как она после бракосочетания, одетая по-дорожному, садится в почтовую карету. Я следила глазами, как эта карета поднимается на холм и затем исчезает за его хребтом. С того дня, как она уехала, во мне что-то перевернулось. Ясно было одно: меня больше ничто здесь не держало. И я стала просить Бога, чтобы он мне послал новое место. Я жаждала свободы!

Однако как добиваются нового места люди, у которых никого нет во всем белом свете? Этот вопрос не давал мне покоя, пока однажды утром ответ пришел сам собой: «Те, кто ищет работу, дают объявление в газету». Но как? Я не знала, как даются объявления. И снова последовал быстрый и точный ответ: «Запечатай текст объявления и деньги в конверт и отправь в адрес издательства».

Я сразу же решила набросать на листке бумаги следующее

объявление:

«Молодая особа, имеющая преподавательский опыт, ищет место в частном доме к детям не старше четырнадцати лет. (Мне самой было восемнадцать).

Кроме общих предметов школьной программы, преподает французский язык, рисование и музыку. Адрес: Лоутон, в... ширском графстве, до востребования Дж. Э.»

Объявление пролежало весь день в моем ящике. После чая, под тем предлогом, что мне необходимо сделать кое-какие покупки для себя и других учительниц, я отпросилась у новой директрисы в Лоутон, где и опустила письмо в почтовый ящик. Возвращаться пришлось под проливным дождем, я промокла до нитки, но была чрезвычайно довольна. Теперь надо было только ждать. Я дала себе на это ровно неделю.

Через семь дней уже под другим предлогом я опять отпросилась в Лоутон. Старушка, заведующая почтой, долго возилась, пока не вручила единственное адресованное мне письмо.

– Только одно? – спросила я.

– Больше нет, – ответила она.

Я положила письмо в карман и направилась в обратный путь. Было велико желание распечатать конверт сразу, но правила школы требовали, чтобы я вернулась ровно в восемь, а была уже половина восьмого.

После того как я выполнила все возложенные на меня по школе обязанности, у меня наконец-то появилась возмож-

ность прочесть письмо:

«Если Дж. Э., поместившая объявление в „... ширском вестнике“, действительно обладает всеми перечисленными ей данными и если у неё есть соответствующие рекомендации, мы предлагаем ей место воспитательницы к девятилетней девочке с вознаграждением в 30 фунтов за год. Просьба к Дж. Э. прислать указанные рекомендации, а также сообщить свои имя и фамилию, место жительства и другие необходимые сведения по адресу: Мисс Фэйрфакс, Торнфильд, близ Милкота, в... ширском графстве».

Во-первых, письмо было написано в старомодном стиле, значит, его писала пожилая дама, что меня очень обрадовало. «Наверное, вдова», – подумала я. Миссис Фэйрфакс! Должно быть, она живет в красивой усадьбе... К тому же Милкот в... ширском графстве – это на целых семьдесят миль ближе к Лондону, чем та отдаленная окраина, где я живу сейчас. Это обстоятельство меня заинтересовало. Меня влекла новая жизнь, новые люди, новые города. Впрочем, скорее всего, Торнфильд находится далеко от города.

В эту минуту свеча догорела, и комната погрузилась во мрак.

На следующий день надо было действовать. Меня приняла директриса, и я ей подробно рассказала, что нашла новое место, где мне будут платить в два раза больше, чем я получаю сейчас в школе, и что мне нужна соответствующая ре-

комендация. Директриса обещала помочь.

Сначала она обратилась к мистеру Брокльхерсту, который в свою очередь предложил испросить разрешения у мисс Рид – моей опекуни. Та же ответила, что моя судьба давно уже находится вне круга её интересов, и я вольна поступать так, как мне заблагорассудится. После того, как прошение обошло всех членов комитета школы, я получила официальное разрешение сменить место работы. Мне выдали характеристику и свидетельство об образовании за подписью инспектора нашего учреждения.

Копии этих документов я через месяц послала миссис Фэйрфакс, которая ответила, что она довольна полученными сведениями и через две недели предлагает мне занять место гувернантки в её доме.

Две недели промелькнули незаметно, да и сборы заняли немного времени. Я за день уложила чемодан, который восемь лет тому назад привезла с собой из Гейтсхэда. Чемодан затянули ремнями, наклеили ярлык с моим именем, и носильщик отвез его в Лоутон. Я же должна была на следующий день отправиться туда пешком, чтобы сесть в дилижанс.

Я почистила дорожное платье, приготовила шляпку, перчатки и муфту, осмотрела все ящики... Теперь можно было немного отдохнуть. И тут в мою комнату вошла горничная: – Мисс, – сказала она, – вас внизу кто-то спрашивает.

«Наверное, носильщик», – решила я и тут же побежала в кухню. Не успела я пройти мимо маленькой гостиной, дверь

которой была полуоткрыта, как оттуда кто-то выбежал.

– Она, она, я её сразу узнала! Я бы ее из сотни узнала! – воскликнула какая-то особа, хватая меня за руку.

Я посмотрела на нее. Передо мною стояла еще молодая черноволосая женщина, одетая как служанка из богатого дома.

– А ну, угадайте, кто я! – ее голос и улыбка показались мне очень знакомыми. – Вы, наверное, не совсем забыли меня, мисс Джейн?

Еще мгновение – и я уже горячо обнимала и целовала ее.

– Бесси! Бесси! Бесси! – повторяла я, смеясь и плача одновременно.

Через минуту мы вошли в гостиную. Перед камином стоял маленький мальчик лет трех.

– А это мой сыночек, – объяснила Бесси.

– Значит, вы замужем, Бесси?

– Да, уже почти пять лет, как я замужем за Робертом Ливеном, нашим кучером. Кроме Бобби, у нас есть еще маленькая дочурка, её зовут Джейн.

– Ну, как они там все поживают? Расскажите мне все о них, Бесси! Садитесь. А ты, Бобби, иди ко мне на ручки.

Бобби предпочел прижаться к матери.

– А вы не очень-то и выросли, мисс Джейн, и не так уж пополнили, – продолжала миссис Ливен. – Видно, не слишком сытно кормили вас тут в школе. Старшая мисс Рид на голову выше вас, да и пошире будет, а из мисс Джорджианы

можно было бы двух таких, как вы сработать.

– Джорджиана, наверное, красавица, Бесси?

– Да. В прошлую зиму она со своей мамой ездила в Лондон, и там в неё влюбился молодой лорд, даже хотел жениться, но его родные были против. И что же вы думаете, они сговорились с мисс Джорджианой бежать! Но их выследила мисс Рид, из зависти, видно. Так они с тех пор с сестрой грызутся как кошка с собакой.

– Ну, а как Джон Рид?

– Дела у него не так хороши, как бы хотелось его маме. Из университета его выгнали, потом его дяди хотели, чтобы он стал адвокатом и изучал право, но он такой непутевый, что вряд ли из него толк будет.

– А как он выглядит?

– Мистер Джон очень высокий. Некоторые считают, что он хорош собой, но у него ужасно толстые губы.

– А миссис Рид?

– Миссис располнела и с лица ничего, но только места себе не находит: Джон проматывает деньги без счета.

– Это она вас послала сюда, Бесси?

– Конечно, нет! Мне самой уже давно хотелось повидать вас. Когда я узнала, что от вас было письмо и что вы собираетесь уехать куда-то далеко, я решила – поеду и взгляну на нее, пока она еще близко.

– Боюсь, что вы разочаровались во мне, Бесси. – Я сказала это смеясь, ибо заметила, что взгляд Бесси, хотя и уважи-

тельный, но восхищения не выражал.

– Нет, мисс Джейн, не то чтобы... Вы очень элегантны, прямо настоящая леди. А большего я и не ожидала увидеть: вы и ребенком не были красавицей.

Я улыбнулась ее искренним словам, хотя чувствовала себя уязвленной (какой восемнадцатилетней девушке не хочется быть красивой?), но в то же время я понимала, что она права.

– Однако я уверена, что вы очень умная, – продолжала Бесси, стараясь меня утешить. – Чему вы научились? Вы умеете играть на рояле?

– Немного, – ответила я и сыграла несколько фраз из недавно разученного вальса.

– А рисовать умеете?

– Вон один из моих рисунков, над камином.

– А по-французски вы тоже научились?

– Да, Бесси, я читаю и говорю по-французски.

– О, да вы действительно стали настоящей леди, мисс Джейн! Я всегда была уверена, что так будет. Так, как вы играете и рисуете, нашим барышням никогда не суметь. Вы сами пробьетесь в жизни, без всяких родственников. Знаете, я хотела спросить вас, мисс: вам ничего не известно о ваших родственниках по фамилии Эйр?

– Ничего.

– Вы помните, что миссис всегда говорила, что они у вас бедные и простые. Может, так оно и есть, только семь лет тому назад в Гейтсхэд приезжал какой-то мистер Эйр, спра-

шивал о вас. Миссис сказала, что вы в школе, за пятьдесят миль от нашего дома. Он был очень огорчен, так как не мог навестить вас, потому что срочно уезжал куда-то за границу, и корабль должен был уйти из Лондона через день или два. Но на вид он был настоящий Джейнтльмен, полагаю, что это был брат вашего отца.

– Куда же он ехал, Бесси?

– На какой-то остров, где вино делают. Мне буфетчик объяснял...

– На Мадейру? – догадалась я.

– Да, да, вот именно, – он так и сказал.

– Значит, уехал?

– Да, он и пары минут не пробыл у нас. Миссис держалась с ним очень высокомерно. Она потом называла его: «Этот дрянной торгаш». Мой муж предполагает, что он торгует вином.

– Очень возможно, – ответила я, – а может быть, он агент или служащий винодельческой фирмы.

Мы с Бесси еще немного поболтали о прежней жизни, и она ушла. Я еще раз встретилась с ней на другое утро в Лоутоне, когда ожидала дилижанс. Там же мы с ней окончательно простились. Затем подъехал экипаж, который увез меня в неведомые окрестности Милкота, где меня ждала новая жизнь.

Глава XI

Из Лоутона я выехала в четыре утра, а в Милкот прибыла в восемь вечера. К моему удивлению, меня никто не встречал, поэтому пришлось остановиться на время в гостинице. Я спрашивала у слуг, не ожидал ли кто-нибудь мисс Эйр, но получала отрицательный ответ. И вот я ждала в тревоге, терзаемая всевозможными сомнениями и страхами, чувствуя себя брошенной на произвол судьбы. Наконец я заставила себя позвонить:

– Есть тут по соседству имение под названием Торнфильд? – спросила я слугу, который явился на мой звонок.

– Торнфильд? Не слышал, сударыня. Я сейчас спрошу в ресторане. – Он исчез, но возвратился немедленно.

– Ваша фамилия Эйр, мисс?

– Да.

– Там вас ожидают.

Я тут же вскочила, взяла свои личные вещи и поспешила в коридор. Перед открытой дверью стоял какой-то человек, а на озаренной уличными фонарями мостовой я смутно различила очертания одноконного экипажа.

– Это, наверное, ваш багаж? – сказал человек отрывисто, указывая на мой чемодан.

– Да.

Он погрузил чемодан в экипаж, с виду похожий на неболь-

шую карету. Когда кучер закрывал дверцу, я спросила, далеко ли до Торнфильда.

– Миль шесть будет.

– Сколько на это понадобится времени?

– Примерно часа полтора.

Он захлопнул дверцу, взобрался на козлы, и мы тронулись в путь. По дороге я гадала, какая она всё-таки мисс Фэйр-факс. Если она не очень богатая женщина, то это даже лучше. Богатство не делает людей добрее. Однако я надеялась, что моя новая хозяйка будет приветливее со мной, чем моя тетя. В крайнем случае, если мне не понравится у неё, найду себе другое место.

Я опустила окно и выглянула наружу. Дорога была грязная, ночь сырая и туманная. Кучер почти все время ехал шагом. Казалось, что дороге не будет конца, но тут возница обернулся и сказал:

– Ну, теперь недалеко и до Торнфильда.

Он оказался прав. Минут через двадцать экипаж остановился, кучер слез с козел и открыл ворота: мы въехали, и они захлопнулись за нами. Карета медленно поднялась по аллее и скоро приблизилась к дому. Лишь в одном окне сквозь занавески пробивался свет, все остальные были темны. Лошадь остановилась у подъезда.

Дверь открыла горничная.

– Прошу вас следовать за мной, сударыня, – сказала она. Служанка провела меня через большой квадратный холл со

множеством высоких дверей и завела в маленькую уютную ярко освещенную комнату, в который горел камин. В старинном кресле с высокой спинкой сидела опрятная старушка, именно такая, какой я себе и нарисовала миссис Фэйрфакс, только менее представительная и гораздо более скромная. Миссис вязала. У ее ног лежала большая кошка. Трудно было представить более приятную встречу для вновь прибывшей молодой гувернантки.

– Ну, как вы себя чувствуете, моя дорогая? Наверное, устали с дороги, озябли? Подойдите ближе к огню.

– Миссис Фэйрфакс, вероятно? – спросила я.

– Да, вы угадали. Садитесь.

Она помогла мне снять шарф и шляпку, чем немало смутила меня.

– О, не беспокойтесь, моя дорогая, вы же совсем замерзли. Ли, приготовьте поскорей горячий грог и несколько сэндвичей.

«Она обращается со мной, как с гостьей, – подумала я. – Вот не ожидала такого приема! Холодность и чопорность были бы не удивительны в данном случае, а тут! Что-то я не слышала, чтобы так обходились с гувернанткой. Однако радоваться еще рано».

– Сегодня вечером я смогу познакомиться с мисс Фэйрфакс? – спросила я, подкрепившись.

– Что вы говорите, моя дорогая? Я плохо слышу... – отозвалась старушка.

Я повторила свой вопрос отчетливей.

– Мисс Фэйрфакс? О, вы, наверно, имеете в виду мисс Варанс? Фамилия вашей будущей ученицы – Варанс.

– Вот как... Значит, это не ваша дочь?

– Нет, у меня никого нет.

Я не стала более расспрашивать её о мисс Варанс, так как решила, что постепенно все само собой прояснится.

– Я так рада! – продолжала она, садясь против меня и беря кошку на колени. Знаете, жить в одиночестве очень тяжело. Прошлую зиму здесь, кроме слуг, никого не было. С ними нельзя общаться на равных – теряется авторитет. Мне было так грустно. Конечно, Торнфильд – прекрасный старинный дом, хотя и потерял свое былое величие, но зимой в нем очень тоскливо... А потом, в начале осени, приехала маленькая Адель Варанс с няней... Ребенок сразу вносит в дом оживление. Вот вы приехали, теперь уж совсем весело будет.

Мне стало хорошо на сердце от слов этой доброй старушки, и я заверила её, что постараюсь не обмануть её ожиданий.

– Только сегодня я не дам вам сидеть долго, – сказала она, – уже двенадцатый час, а вы были в дороге весь день и наверняка очень устали. Идемте, я покажу вам вашу спальню. Она находится рядом с моей.

Проводив меня, миссис Фэйрфакс удалилась.

Комната была небольшая, но очень уютная и теплая. Я была счастлива. Мне надо будет приложить все усилия, что-

бы оказаться достойной дарованной мне милости, которую еще ничем не за служила. Устав от впечатлений и долгого путешествия, я быстро уснула. Когда же проснулась, был уже день.

Я встала и тщательно оделась. Мои наряды хоть и были скромные, но подобраны со вкусом. Мне очень хотелось возместить то, что я была небольшого роста и далеко не красавица. И вот я причесалась как можно тщательнее, надела черное платье, которое довольно неплохо на мне сидело, пришила новую белую манишку и решила, что я довольно прилично выгляжу. Проветрив комнату и проверив все ли в порядке на моем туалетном столике, я вышла.

Спускаясь и заодно осматривая интерьер, я пришла к выводу, что в доме все необычайно торжественно и внушительно, особенно картинная галерея. Дверь холла, до половины застекленная, оказалась открытой, и я решила прогуляться.

Было ясное осеннее утро. Солнце ласкало меня своими лучами. Выйдя на лужайку, я обернулась, чтобы взглянуть на фасад дома. Это было трех этажное, не слишком большое, но внушительное здание. Зубчатые стены придавали ему особенно живописный вид. Дом был окружен все еще зелеными полями и цепью холмов, на склоне одного из которых располагалась деревушка. Ближе к усадьбе возвышалась церковь.

Я все еще наслаждалась этим мирным пейзажем, когда на пороге дома появилась миссис Фэйрфакс:

– Вы уже встали? – сказала она. – Да вы, я вижу, ранняя пташка.

Я подошла к ней, она приветливо поздоровалась и поцеловала меня в щеку.

– Понравился ли вам Торнфильд? – спросила она.

Я ответила, что очень понравился.

– Да, – согласилась она, – это красивое место, однако, если мистер Рочестер не надумает однажды здесь поселиться или хотя бы чаще навещать сюда, все придет в упадок: такие дома и парки требуют постоянного ухода.

– Мистер Рочестер? – удивилась я. – Кто это?

– Владелец Торнфильда, – спокойно отозвалась она. – Разве вы не знали, что его зовут Рочестер?

Конечно, не знала, мало того, никогда о нем не слышала. Но старушка, видимо, считала, что это должно быть известно всем.

– А я думала, что Торнфильд принадлежит вам.

– Мне? Господь с вами, дитя мое! Что это вы себе придумали! Мне! Да я только экономка, домоправительница. Правда, я в родстве с Рочестерами по женской линии, но я никогда не злоупотребляла этим. Я считаю себя обыкновенной экономкой. Мистер Рочестер – мой хозяин, он всегда вежлив, а большего мне и не надо.

– А девочка, моя ученица?

– Мистер Рочестер ее опекун. Это он попросил меня найти для нее гувернантку. Он, видимо, желает, чтобы девоч-

ка воспитывалась и росла здесь. Да вон и она сама со своей bonne, так она называет няню.

Это была хрупкая с узким личиком и длинными роскошными волосами девочка. На вид ей было лет семь-восемь.

– Доброе утро, мисс Адель, – сказала миссис Фэйрфакс. – Подойдите к нам, познакомьтесь с мисс Эйр. Она сделает из вас со временем образованную барышню.

Девочка приблизилась.

– Это моя гувернантка? – спросила она по-французски, указывая на меня и обращаясь к своей няне.

– Видимо, так и есть, – ответила та.

– Они иностранки? – удивилась я, услышав французскую речь.

– Няня француженка, а Адель родилась во Франции и, насколько мне известно, шесть месяцев назад покинула свою родину. Когда она здесь появилась, ни слова не знала по-английски, теперь уже немного понимает, хотя я и сейчас не могу разобрать, что она говорит. Вам, наверное, будет несложно с ней общаться, ведь вы говорите по-французски.

К счастью, я не только говорила, но и без труда понимала Адель. Уроки французского в ловудской школе не прошли даром. Узнав, что я ее новая гувернантка, девочка без особо энтузиазма подошла и подала мне руку. Расхрабрилась же она за завтраком после того, как некоторое время наблюдала за мной, будто изучая. Затем вдруг оживилась и стала бодро болтать без умолку. – А вы говорите на моем родном языке

не хуже мистера Рочестера, то-то Софи обрадуется! – воскликнула Адель по-французски. – Софи – моя няня. Она по-английски плохо говорит, так что вы ей будете прекрасной собеседницей. Мадемуазель... а как вас зовут?

– Эйр. Джейн Эйр.

– Эйр? Ну, трудно выговорить. Так вот, мы приехали с Софи и с мистером Рочестером из Франции на корабле. Нас всех укачало. Всем было плохо, и мистеру Рочестеру тоже. Затем корабль остановился в одном красивом городе, мы жили несколько дней в гостинице. Там было здорово! Красиво! Парк, озеро, птички! Я их кормила хлебными крошками. Так забавно было! Здорово!

– Неужели вы понимаете что-нибудь, когда она вот так тараторит? – спросила меня миссис Фэйрфакс. Я подтвердила. Тогда старушка попросила меня спросить девочку о её родителях.

– Адель, – сказала я, – а с кем вы жили раньше?

– Раньше, давно, я жила с мамой, но она сейчас на небесах. Мама научила меня танцевать, петь и декламировать стихи. К ней приходили гости, я для них пела и танцевала. Мне это очень нравилось. Хотите, я и вам спою?

Так как она уже позавтракала, я позволила ей блеснуть своими талантами.

Адель пела какую-то слезливую арию покинутой любовником женщины. В её устах это звучало довольно комично и показалось мне признаком дурного тона. Закончив петь,

девочка прыгнула с моих колен и сказала:

– А теперь, мадемуазель, я прочту вам стихи!

– Нет, пока довольно, дорогая. Ты говорила, что твоя мама ушла на небеса, с кем же ты тогда жила?

– Меня приютили мадам Фредерик и ее муж. Они заботились обо мне, но они мне всё-таки не родня, к тому же они были бедные. Я недолго жила у них. Вскоре приехал мистер Рочестер и предложил поехать с ним в Англию. Я его давно знаю, он очень добрый, и я согласилась. Только он меня обманул, привез меня сюда, а сам уехал.

После завтрака мы с Адель удалились в библиотеку, и приступили к нашим занятиям. Ученица оказалась довольно послушной, хотя и рассеянной девочкой. Она совершенно не была приучена к дисциплине и регулярным занятиям, поэтому я решила не загружать её поначалу. К тому же наступил полдень, и я позволила Адель вернуться к няне. Сама же надумала сделать несколько набросков, которые могли пригодиться мне на следующем занятии. Когда я поднималась наверх за папкой и карандашами, меня окликнула миссис Фэйрфакс:

– Полагаю, ваши утренние занятия закончились? Я бы хотела, если вы не против, показать вам дом.

– С удовольствием, – ответила я.

Старушка водила меня по комнатам этаж за этажом, пока мы не добрались до чердака.

– В каком порядке вы содержите все комнаты, миссис

Фэйрфакс! – воскликнула я. – Ни пылинки, ни чехлов! Если бы не сырость, можно было бы подумать, что все они жилые.

– Дело в том, мисс Эйр, что мистер Рочестер раздражается, если видит зачехленную мебель, поэтому я должна быть всегда во всеоружии, хотя он и редко нас навещает.

– Разве мистер Рочестер такой требовательный?

– Нет, не скажу, но вкусы и привычки у него как у настоящего аристократа, и все в доме должно делаться так, как он пожелает.

– А вам он нравится? Его любят в округе?

– Безусловно. Эта семья всегда была очень уважаема. Кроме того, они очень богаты.

– Я не имела в виду его богатство, сам-то он вызывает симпатию, как человек?

– У меня нет причин не любить его.

– А какой у него характер?

– О, это безупречный человек. Правда, не без странностей. Много путешествует, многое повидал. Наверное, умен. Должна сказать, что он со мной мало разговаривал.

– А почему – со странностями?

– Да не знаю, право, – ничего такого особенного, но когда беседуешь с ним, не поймешь, шутит он или серьезно говорит. А так он очень хороший хозяин.

Наконец мы добрались до чердака.

– Хотите взглянуть на вид окрестности с крыши?

Я последовала за ней по узенькой лесенке на чердак. По

пожарной лестнице и через открытый люк мы выбрались на крышу. Наклонившись, я посмотрела вниз, и парк развернулся передо мной, как огромная карта. В этом пейзаже не было ничего необычайного, но он был прекрасен.

Налюбовавшись, мы отправились в обратный путь. Миссис Фэйрфакс на минуту задержалась, чтобы запереть люк, а я стала спускаться. Затем остановилась в длинном коридоре, который проходил через весь третий этаж, отделяя комнаты фасада от комнат, находившихся в глубине дома. Этот сумрачный коридор напомнил мне сказочный замок Синей Бороды.

Я снова пошла по коридору, как вдруг услышала странный звук, напоминающий приглушенный сухой смех. Я остановилась в недоумении. Смех на мгновение умолк, затем прозвучал гораздо громче и оборвался на высокой ноте.

– Миссис Фэйрфакс! – крикнула я, услышав, что она спускается по лестнице. – Вы слышали этот смех? Что это?

– Наверное, кто-нибудь из горничных, – ответила она. – Может быть, Грэйс Пул.

– Но вы слышали? – опять спросила я.

– Да, совершенно ясно. Я часто слышу ее смех. Она шьет в одной из этих комнат. Иногда с нею бывает и Ли, они шумят и болтают.

Смех повторился.

– Грэйс! – крикнула миссис Фэйрфакс.

Говоря по совести, я не ждала, что Грэйс ответит еще бо-

лее страшным хохотом. Мне стало жутко. Слава Богу, был ясный день, иначе со мной бы случился припадок от страха.

Впрочем, все тут же разъяснилось: дверь рядом со мной открылась, и из комнаты вышла служанка – женщина лет тридцати – сорока. Она была довольно коренастая, рыжеволосая, с грубыми чертами лица.

– Слишком громко смеетесь, Грэйс, – сказала миссис Фэйрфакс, – помните приказ.

Грэйс молча присела и вернулась в комнату.

– Она шьет и помогает Ли по хозяйству, – объясняла старушка. – Конечно, она не без недостатков, но со своей работой справляется прекрасно. Кстати, как прошло ваше занятие?

Разговор, естественно, перешел на Адель, и мы развивали эту тему, пока спускались в нижние этажи. В холле ко мне подбежала Адель:

– Сударыня, обед на столе! Я очень проголодалась!

Обед накрыли в комнате миссис Фэйрфакс.

Глава XII

Надежда на спокойную и размеренную жизнь, которую сулила мне моя первая встреча с Торнфильдхоллом, укрепилась во мне после более длительного знакомства с этим местом и его обитателями. Всё шло как нельзя лучше. Наши взаимоотношения с миссис Фэйрфакс были теплыми и уважительными. Она оказалась доброй, простодушной и далеко неглупой женщиной. Моя же ученица, хоть и была немного избалованным ребенком, делала относительные успехи в учебе, так как мне удалось справиться с её недостатками... Надо сказать, что Адель не отличалась особыми талантами, но и не была хуже детей своего возраста. Возможно, моя характеристика Адель кому-то из родителей покажется слишком скупой на похвалу, но я не собираюсь потакать родительскому эгоизму. Я пи шу так, как это было на самом деле, – правду.

В те часы, когда Адель гуляла с няней, я поднималась на крышу дома, чтобы полюбоваться на окрестности и помечтать о том, как живут люди в других городах, странах. При этом иногда слышала тот же странный смех и бормотание Грэйс Пул. Не раз я видела, как она выходила из своей комнаты. Да, у неё был нелицеприятный вид, но вряд ли можно было сказать, что она не в себе. Мне так ни разу и не удалось её разговорить.

Остальные обитатели этого дома – Джон и его жена, Ли – (горничная) и Софи (няня-француженка) – были вполне приличные, но ничем не примечательные люди.

Так прошли октябрь, ноябрь и декабрь. Однажды в январе, когда Адель слегка приболела, мне пришлось отменить занятия. Был ясный, спокойный день, хотя и очень холодный. Миссис Фэйрфакс написала какое-то письмо и попросила меня отнести его на почту в Хей. До деревушки было около двух миль, так что прогулка могла стать приятной.

Сначала я шла быстро, чтобы согреться, потом, замедлив шаг, любовалась окружающим пейзажем. Ни один человек не встретился мне на пути. Я уже отошла почти на милю от Торнфильда. А так как дорога, ведущая в Хэй, непрерывно поднималась в гору, я устала и решила присесть на пенек отдохнуть.

Внезапно тихое журчание ручейка, близ которого я присела, смешалось с топотом копыт. По всей видимости, приближался всадник. Так как в этом месте дорога был слишком узка, то я посчитала наиболее благоразумным просто сидеть и не шевелиться, чтобы конь мог спокойно пройти. Я сразу же нафантазировала себе образы коня и всадника, которые должны были быть похожи на героев сказок.

Всадник был уже совсем рядом, но я все еще не видела его. Через мгновение, кроме топота, я услышала шорох, и из кустов выскочила огромная, похожая на льва собака. Я испугалась, однако пёс пробежал мимо, будто меня и не за-

метив. Позади шел конь, очень крупный, на нем сидел всадник, который также не обратил на меня внимания. Он проследовал мимо, и я встала, чтобы продолжить свой путь. И тут произошло неожиданное: конь поскользнулся на обледенелой тропинке. Путник воскликнул: «Этого еще не хватало!» и натянул поводья. Но все же животное упало. Я остановилась. Конь и всадник лежали на земле. Собака, подбежав к ним, начала отчаянно лаять. Она обнюхала поверженного всадника и его коня, а затем подбежала ко мне, как бы моля о помощи. Мне ничего не оставалось, как подойти к всаднику, который пытался выпутаться из стремян.

– Вы ушиблись, сэр? Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? – спросила я.

– Отойдите подальше, – ответил он, наконец, и приподнялся. Ему удалось высвободиться из-под коня и встать. Вслед за этим и конь вскочил, что очень обрадовало собаку, которую хозяин то и дело пытался успокоить выкриками: «Куш, Пилот!»

Мне очень хотелось помочь ему или хотя бы проявить внимание, и я опять подошла ближе.

– Если вы ушиблись, сэр, и вам нужна помощь, я могу сходить в Торнфильдхолл или Хэй.

– Благодарю вас. Обойдусь! Кости у меня целы, просто вывих.

Однако попытка сделать шаг отразилась болью на его лице.

Уже стемнело, но луна светила ярко, так что я разглядела его хорошо. Это был мужчина средних лет. Крепкого телосложения, среднего роста, смуглый, с суровыми чертами лица. На вид ему было около тридцати пяти. Одет он был в плащ для верховой езды с меховым воротником и стальными застёжками.

Я не чувствовала перед ним ни страха, ни особой робости. Если бы он вежливо отклонил моё предложение о помощи, возможно, я спокойно продолжила бы свой путь, но его сердитый тон и упрямство придали мне храбрости:

– Я никак не могу бросить вас, сэ, в столь поздний час, на пустынной дороге. По крайней мере до тех пор, пока вы не окажетесь в состоянии сесть на лошадь.

Когда я сказала это, он впервые посмотрел на меня.

– Вам самой давно пора быть дома, – сказал он, – если ваш дом, конечно, по соседству. Вы откуда взялись?

– Вон оттуда, снизу. Не думайте, я совсем не боюсь, мне нетрудно будет сбегать за помощью в Хэй, тем более что мне туда самой надо.

– Вы живете внизу? В том доме с башнями? – спросил он, указывая на Торнфильдхолл.

– Да, сэ.

– А чей это дом?

– Мистера Рочестера.

– Вы знаете мистера Рочестера?

– Нет, я его никогда не видела.

– Он что не живет там?

– Нет.

– А вы знаете, где он сейчас?

– Нет, не знаю.

– Так, вы не прислуга, это понятно. Вы... – он стал внимательно оглядывать меня.

– Я гувернантка.

– Ну, конечно, гувернантка, – повторил он. – Черт, я и забыл! – и снова стал рассматривать меня. Через несколько минут мужчина вновь попытался сдвинуться с места, но ему явно было больно ступить.

– Я не стану посылать вас за помощью, – сказал он, – но вы сами сможете мне помочь, если будете так любезны.

– Хорошо, сэръ.

– У вас нет зонтика, которым я мог бы воспользоваться как тростью?

– Нет.

– Тогда постарайтесь взять мою лошадь и подвести ко мне. Вы не боитесь?

Конечно, я боялась, но деваться было некуда. Конь не поддавался, мне никак не удавалось ухватить его за уздечку. Наблюдая мои безуспешные попытки, мой новый знакомый в конце концов рассмеялся.

– Вижу, вижу – сказал он, – гора не желает идти к Магомету! Что же, помогите тогда Магомету подойти к горе... Извините меня, – добавил он, – лишь безвыходное положение

заставляет меня воспользоваться вашей помощью.

Опираясь на мое плечо, он доковылял до коня, и морщась от боли, вскочил на него.

– Так-то, – сказал он, – подайте мне, пожалуйста ста, хлыст... Благодарю вас. Теперь бегите с вашим письмом в Хэй и возвращайтесь скорее домой.

Коснувшись шпорами коня, который тотчас взвился на дыбы, всадник исчез в темноте. Собака бросилась следом за ними.

Это маленькое приключение оставило радостный след в моей душе: мне удалось кому-то помочь. И пусть помощь была незначительной, но случай внес хоть какое-то разнообразие в мою размеренную жизнь.

Во время пути лицо моего случайного знакомого постоянно стояло у меня перед глазами. До бравшись до почты, я исполнила поручение миссис Фэйрфакс и направилась обратно в Торнфильд. Было уже поздно, следовало торопиться.

Подойдя к воротам дома, я замедлила шаг, решив прогуляться по лужайке. Что-то мешало мне войти в этот мрачный на вид дом. Однако войти всё-таки пришлось.

В холле было полутемно, под потолком горела только бронзовая лампа, но из столовой лился свет. Было видно, что возле камина расположилась группа людей. Однако я не успела разглядеть их, потому что дверь в столовую вдруг закрыли, и я поспешила в комнату миссис Фэйрфакс. Там тоже топился камин, правда, свечи не были зажжены, и хозяй-

ка отсутствовала. Зато перед камином важно устроился пес, очень похожий на того, с дороги. Я даже невольно крикнула ему «Пилот!» Собака тут же поднялась, подошла и стала обнюхивать меня. Откуда здесь могла взяться собака? Позволив, я попросила Ли принести свечи, а заодно спросила:

– Откуда эта собака?

– Она прибежала за хозяином.

– За кем?

– За хозяином, за мистером Рочестером. Он только что приехал.

– Неужели? И миссис Фэйрфакс с ним?

– Да, и мисс Адель. Они все в столовой, а Джона послали за врачом. С хозяином случилось несчастье: его лошадь упала, и он вывихнул себе ногу.

– Лошадь упала на дороге в Хэй?

– Да, когда он спускался с холма. Она поскользнулась на обледенелой тропе.

– Да?... Принесите мне, пожалуйста, свечи, Ли.

Ли принесла свечи, следом за ней вошла миссис Фэйрфакс. Она рассказала мне то же самое, добавив, что врач уже здесь и осматривает мистера Рочестера. Затем она распорядилась относительно чая, а я поднялась наверх, чтобы переодеться.

Глава XIII

По рекомендации врача мистер Рочестер в тот вечер лег рано, а на следующее утро встал поздно. Как только он проснулся, в доме сразу же все задвигалось и завертелось. Начались бесконечные визиты: приходили арендаторы, управляющий, – мистер Рочестер практически непрерывно кого-то принимал, заняв для этих целей библиотеку. Нам с Адель выделили другую комнату, куда перенесли глобус и учебники.

В тот день с Адель нелегко было заниматься. Она то и дело выбегала из комнаты, высматривая мистера Рочестера. В конце концов, мне это надоело, и я приказала ей сидеть смирно и никуда не выходить. Однако она постоянно отвлекалась от занятий и продолжала болтать о монсеньере Эдуарде Фэйрфакс Рочестере, как она его называла, строя догадки о подарках, которые он ей мог привези.

– У него и для вас наверняка найдется подарок, мадемуазель. Он о вас спрашивал. Говорит: «Это такая маленькая, тоненькая и бледненькая мисс?» Я сказала, что так оно и есть. Верно, мадемуазель?

Обедали мы без мистера Рочестера в комнате мисс Фэйрфакс. К вечеру пошел снег, и мы остались в классной комнате. Судя по тому, что звонки прекратились, хозяин дома уже освободился.

Наше занятие закончилось, и я разрешила Адель вернуться к своей няне.

Оставшись одна, я подошла к окну, но ничего не было видно – падающий снег образовал сплошную белую пелену, и на меня нахлынули грустные мысли, которые, впрочем, не успели овладеть мной, потому что в комнату вошла миссис Фэйрфакс.

– Мистер Рочестер просит вас прийти с вашей ученицей сегодня вечером пить чай в гостиную, – сказала она. – Он сожалеет, что не мог пригласить вас к себе раньше, так как был занят.

– В котором часу будет чай? – поинтересовалась я.

– В шесть. Здесь наш хозяин ведет правильный образ жизни. Будет лучше, если вы переоденетесь сейчас же, – заметила старушка. – Я пойду и помогу вам.

– Разве нужно переодеваться?

– Да, необходимо. Я всегда к вечеру переодеваюсь, когда мистер Рочестер дома.

Эта церемонность несколько удивила меня, но возражать я не стала и пошла к себе в комнату переодеваться. Там я сменила черное шерстяное на черное шелковое платье. Это было мое лучшее платье, если не считать светло-серого, которое, по моим провинциальным представлениям о нарядах, я считала слишком торжественным.

– Не хватает брошки, – сказала миссис Фэйрфакс.

У меня было единственное украшение – жемчужная

брошка, подаренная мне мисс Темплъ. Я чувствовала себя смущенной столь официальным приглашением, поэтому спряталась за мисс Фэйрфакс, когда мы вошли в гостиную.

Комната была ярко освещена свечами, у камина растянулся Пилот, рядом с ним, стоя на коленях, возилась Адель. На кушетке, полулежа, расположился мистер Рочестер. Я тотчас узнала в нем моего вчерашнего знакомого. У него был резко очерченный нос, раздувающиеся ноздри, – вообще он производил впечатление человека упрямого и угрюмого. По-моему, он сделал вид, что не заметил нашего появления.

– Это мисс Эйр, сэр, – спокойно сказала миссис Фэйрфакс.

Он поклонился, по-прежнему глядя на ребенка и собаку.

– Садитесь, мисс Эйр, – предложил он, хотя всем своим видом показывал, что ему нет никакого дела до того, есть ли здесь какая-то мисс Эйр или нет.

Своеобразная манера общения мистера Рочестера снимала с меня всякие обязательства быть любезной ему в ответ. Я села, и мое смущение исчезло. Мне даже стало интересно, как он будет вести себя дальше. А вел он себя совсем как бревно, – не говорил и не двигался. Миссис Фэйрфакс попыталась начать беседу, но лишь услышала:

– Сударыня, я хотел бы чашку чая.

Ли не медля принесла чайный прибор и принялась расставлять чашки. Мы с Адель перешли к столу, хозяин же по-прежнему не двигался.

– Будьте так любезны, передайте мистеру Рочестеру его чашку, – попросила меня миссис Фэйрфакс, – боюсь, что Адель прольёт чай.

Адель же, видимо, решила, что настал момент напомнить мистеру Рочестеру о подарках.

– Мсье, вы, наверняка, привезли подарки и для мисс Эйр?

– Подарки? Какие подарки? – гневно спросил он. – Вы разве ожидали подарки, мисс Эйр? Вам нравится получать подарки? – и он внимательно посмотрел на меня своими ключими глазами.

– Не знаю, что и ответить, сэр. В этом отношении у меня мало опыта, но вообще считается, что получать подарки довольно приятно.

– Вообще считается? А вы сами что думаете?

– Мне трудно ответить. Во всяком случае подарки бывают разные, сэр.

– А вы не такая уж и простушка, мисс Эйр. Адель вот напрямую требует подарка, а вы – исподволь.

– У неё, видимо, больше оснований так себя вести. Я же пока не сделала ничего такого, что требовало бы благодарности.

– Ах, вы еще и чрезвычайно скромны, мисс? Кстати, я проэкзаменовал Адель и нашел, что вы добились немалых успехов. Это тем более удивительно, потому что сама Адель не обладает никакими особыми талантами и способностями. – Вот вы мне и сделали подарок, сэр. Благодарю Вас.

– Гм... – мистер Рочестер не нашелся, что ответить, и стал молча пить чай.

После чая хозяин попросил подойти меня к окну, Адель же было приказано играть с собакой.

– Вы уже три месяца в моем доме?

– Да, сэра.

– Вы приехали из...?

– Из Ловудской школы в... ширском графстве.

– А, из приюта! Сколько вы там пробыли?

– Восемь лет.

– Восемь лет! Да, вы достаточно живучи, мисс. Думаю, что и за более короткий срок в том учреждении можно было подорвать свое здоровье. То-то вы мне напомнили вчера на дороге фею из сказки, которая навела порчу на моего коня. Признаться, я и сейчас нахожусь под тем же впечатлением. Ваши родители живы?

– У меня нет родителей, сэра.

– Думаю, никогда и не было? Вы их помните?

– Нет.

– Я так и думал. Что ж, – продолжал мистер Рочестер, – значит, у вас должны быть тети и дяди, братья, сестры?

– У меня никого нет, сэра.

– А где ваш дом?

– У меня нет дома.

– Кто же надоумил Вас приехать сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.